

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6821

EDN: EENWQT

Мотив проклятия грешника в тексте и контексте романа

Ф. М. Достоевского «Идиот»

И. В. Дергачева

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: dergachevaiv@mgppu.ru

Аннотация. В статье исследован синтез разнородных жанров, содержащих телеологический сюжет о проклятии грешника: синодичной повести о воздаянии грешнику и газетной уголовной хроники. Этот сюжет реализован в романе Достоевского «Идиот» с помощью рецепции истории о купце-клятвопреступнике А. А. Мазурине и его потомках, понесших наказание за грех. Один из них — его внук В. Ф. Мазурин, убивший своего приятеля-ювелира Калмыкова. Нашумевшее уголовное дело, известное Достоевскому из газет, произвело сильное впечатление на писателя. Благодаря этому в романе возник образ Рогожина, переосмыслено развитие его отношений с Настасьей Филипповной, предчувствовавшей свою неминуемую гибель от его руки. Предание о родовом проклятии, постигшем А. А. Мазурина и его потомков, приведено по воспоминаниям известного московского предпринимателя Н. А. Варенцова и связано в статье с описанием смерти и загробных мучений грешников в синодичных предисловиях. Подробности убийства В. Ф. Мазуриным ювелира Калмыкова освещены по судебным материалам выпусков газеты «Московские Ведомости», к которым мог обращаться и Достоевский.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, христианский реализм, синодичные предисловия, телеологический сюжет, эсхатология, христианский символизм, уголовная хроника, роман

Благодарность. Автор выражает благодарность руководителю Центра истории и изучения наследия Злагоустова монастыря отцу Сергию Чуракову и секретарю Центра А. П. Хондзинской за идею статьи и предоставленные источники.

Для цитирования: Дергачева И. В. Мотив проклятия грешника в тексте и контексте романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 3. С. 134–148. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6821. EDN: EENWQT

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6821

EDN: EENWQT

The Motif of the Sinner's Curse in the Text and Context of F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"

Irina V. Dergacheva

*Moscow State Psychological and Pedagogical University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: dergachevaiv@mgppu.ru

Abstract. The article examines the synthesis of heterogeneous genres containing a teleological plot about the curse of a sinner: a synodic tale about the retribution of a sinner and a newspaper criminal chronicle. This plot is realized in Dostoevsky's novel "The Idiot" with the help of the reception of the story about the merchant-perjurer A. A. Mazurin and his descendants who were punished for their sins. One of them is his grandson V. F. Mazurin, who killed his friend the jeweler Kalmykov. The sensational criminal case, known to Dostoevsky from the newspapers, made a strong impression on the writer. Thanks to this, the image of Rogozhin appeared in the novel, and the development of his relationship with Nastasia Filippovna, who foresaw her imminent death by his hand, was rethought. The legend of the ancestral curse that befell A. A. Mazurin is presented according to the memoirs of the famous Moscow entrepreneur N. A. Varentsov and is connected in the article with the description of death and the afterlife torments of sinners in synodic prefaces. The details of V. F. Mazurin's murder of the jeweler Kalmykov are covered by the court materials of the issues of the newspaper "Moskovskie Vedomosti," to which Dostoevsky could also refer.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Christian realism, synodic foreword, teleological plot, eschatology, Christian symbolism, criminal chronicle, novel

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the head of the Center for the History and Study of the Heritage of the Zlatoust Monastery, Father Sergiy Churakov, and the secretary of the Center, A. P. Khondzinskaya, for the idea of the article and the sources provided.

For citation: Dergacheva I. V. The Motif of the Sinner's Curse in the Text and Context of F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 134–148. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6821. EDN: EENWQT (In Russ.)

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» представлена рецепция судебного дела купца Василия Федоровича Мазурина, убившего своего друга-ювелира Калмыкова. Она вызывает особый интерес с точки зрения совмещения, казалось бы, разнородных жанров в одном сюжете: синодичной повести о воздаянии грешнику и газетной уголовной хроники.

Достоевский, глубоко знавший тексты Священного Писания и их толкования, был знаком и с сюжетами синодичных предисловий, в которых зашифрована эсхатологическая доктрина спасения души, выработанная их составителем Иосифом Волоцким. Телеологическая схема, характерная для синодичных предисловий, заимствованных преподобным из святоотеческих писаний, стала частью всех последующих Синодиков с литературными

предисловиями: «Прегрешение — Молитва, Приношение спасенных жертв, Служение литургии — Отпущение грехов и Избавление — Назидание» или «Смертный грех — Вечные муки». Богоотступничество — единственный непрощаемый грех. Как уже отмечалось, «в Слове Макария Египетского об обретении лба египетского жреца, включенном в "предисловия", говорится, что худшим мукам обречены души христиан, имевших возможность познать Христа, но отвергшихся от него из-за гонений или впадших в ересь» [Дергачева: 23]. Философская доктрина о воздаянии, зашифрованная в истории о Макарии и «сухой главе», стала ключевой и для Синодиков последующих редакций.

Составители синодичных предисловий описывали смертный час как начало воздаяния праведным и грешным за прожитую жизнь:

«Исход души праведнаго. Божіим повелѣніем аггел Господень радостен приходит по душу праведнаго и взирает ея честно, и с небесъ от Господа благословеніе бываетъ взяти ю от тѣлеси. Діаволу же бѣжащу посрамленну от того мѣста с веліим плачем и со стыдѣніем. Исходъ души грѣшнаго. Божимъ повелѣніемъ изыде душа та от тѣлеси... і тогда аггел хранитель души тоа стоит прискорбенъ, душа же та стоит на тѣле своем печална и зрит рода своего и другов и плачу бо разумѣет, а отвещати к нимъ не можетъ»¹.

Смерть грешника рисовалась с привлечением более страшных и ужасающих образов:

«Преставление нѣкогого моужа богата соуща и немилосерда. Нѣкіи старецъ по прилучаю сѣдя при дверех нѣкогого богата и немилосерда, хотяща оумрети, и зритъ видѣніе страшно, коня черны и всадники на нихъ черныя, исполнены страха и оужаса, имуща жезлы огнены в роукахъ своихъ. Егда приспѣша близъ двора богатаго и оу вратъ коня своя оставиша, и внидоша к богатому и той болныи богатыи оувидѣвъ ихъ, и возопи гласомъ велиимъ и рече: "Пантократоръ Месія, помози ми". И глаголаша ему: "Нынѣ ли взыскалъ еси создавшаго тя, и взявши оружія своя, и вонзоша в сердце его и тако с нуждею извлекоша душу его"»².

Загробные мучения грешников являют страшный пример для назидания живым.

В. С. Дороватовская-Любимова справедливо отмечает, что «одна из главных тем "Идиота" — роман Настасьи Филипповны и Рогожина <...> проходит под знаком какого-то уголовного дела, которое, как настойчиво сопутствующий ему мотив, звучит сначала отдаленным напоминанием, потом нависает как всезахватывающее предчувствие и, наконец, заканчивается мрачным и точным его осуществлением» [Дороватовская-Любимова: 210].

¹ ГИМ. Щук. № 139. 3-я четверть XVII в. Л. 7–8. См.: [Дергачева: 61].

² Там же.

Этот мотив накладывается на эсхатологический хронотоп романа, ключом к которому являются слова Лукьяна Тимофеевича Лебедева о разворачивающемся Апокалипсисе, неотвратимость которого они определили с Настасьей Филипповной:

«...мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как всё в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут <...>. Но на едином праве не сохранят, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...»³.

Проблемы большой эсхатологии (Страшный суд) поднимаются наряду с проблемами малой эсхатологии (посмертная участь человека): на фоне разворачивающегося конца света Настасья Филипповна пытается спастись от собственной гибели, которую она так остро предчувствует. В ее облике подчеркнута бледность, она лишена чувств и эмоций, «как будто у ней вместо сердца был камень, а чувства иссохли и вымерли раз навсегда» (ДЗ0; т. 8: 39). И все же Настасья Филипповна осознает, что она хотела бы воскреснуть:

«Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Афанасий Иванович угадал мечты ее; она желала бы воскреснуть, хоть не в любви, так в семействе, сознав новую цель...» (ДЗ0; т. 8: 41).

Чувствуя свою обреченность, она непрерывно ищет спасения то у князя Мышкина, то у Лебедева, открывшего князю, что она не раз обращалась к нему со словами: «Спаси и сохрани».

В знаменательный вечер, когда Настасья Филипповна выполняет символический акт сожжения денег, следуя завету Нагорной проповеди⁴, она пророчески предрекает будущие трагические события, жертвой которых станет сама:

«Нет, теперь я верю, что этакой за деньги зарежет! Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели. Сам ребенок, а уже лезет в ростовщики! А то наматает на бритву шелку, закрепит да тихонько сзади и зарежет приятеля, как барана, как я читала недавно» (ДЗ0; т. 8: 137).

Следующее пророчество князь читает по прошествии шести месяцев и одной недели в ее письме к Аглае:

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 167–168. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁴ «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...» (Мф. 6:19–20).

«...я уже почти не существую и знаю это; Бог знает, что вместо меня живет во мне. Я читаю это каждый день в двух ужасных глазах, которые постоянно на меня смотрят, даже и тогда, когда их нет предо мной. Эти глаза теперь *молчат* (они всё молчат), но я знаю их тайну. У него дом мрачный, скучный, и в нем тайна. Я уверена, что у него в ящике спрятана бритва, обмотанная шелком, как и у того московского убийцы; тот тоже жил с матерью в одном доме и тоже перевязал бритву шелком, чтобы перерезать одно горло. Всё время, когда я была у них в доме, мне все казалось, что где-нибудь, под половицей, еще отцом его, может быть, спрятан мертвый и накрыт клеенкой, как и тот московский, и так же обставлен кругом стеклянками со ждановскою жидкостью, я даже показала бы вам угол» (Д30; т. 8: 380).

Имплицитное ожидание смерти в конце романа завершается смертью реальной. Рогожин, убивший Настасью Филипповну, делится с названным братом подробностями:

«— Я ее клеенкой накрыл, хорошею, американскою клеенкой, а сверх клеенки уж простыней, и четыре стеклянки ждановской жидкости откупоренной поставил, там и теперь стоят.

— Это как там... в Москве?» (Д30; т. 8: 504).

Реплика князя Мышкина напрямую связывает сюжет романа с уголовным делом, которое нашло отражение в тексте. В. С. Дороватовская-Любимова восстановила хронографию написания романа: «4 декабря нового стиля, а следовательно, 22 ноября старого стиля [1867 г.], Достоевский уничтожил написанный им для "Русского вестника" роман и принялся за новое обдумывание романа, — "старый не хотел продолжать ни за что. Не мог"⁵. 6/18 декабря, т. е. через две недели, он уже приступил к писанию его ("принялся за другой роман")⁶. В этот же промежуток времени, между 22 ноября и 6 декабря ст. стиля, во время двухнедельного обдумывания "Идиота" Достоевский несомненно прочел в "Московских ведомостях" и в "Голосе" судебное дело потомственного почетного гражданина Мазурина» [Дороватовская-Любимова: 213]. Художник-ювелир Илья Калмыков был убит почетным московским гражданином Василием Федоровичем Мазуриным, внуком Алексея Алексеевича Мазурина, московского купца 1-й гильдии, бывшего Московского городского главы. Имя Алексея Алексеевича Мазурина связано с родовым проклятием, история которого напоминает синодичные истории о грешниках, отступивших от Христа и вынужденных за это нести смертные муки.

⁵ Письмо к А. Н. Майкову из Женевы от 31 января 1867 г. (12 января 1868 г.) [Дороватовская-Любимова: 225].

⁶ Письмо С. А. Ивановой из Женевы от 1 (13) января 1868 г. [Дороватовская-Любимова: 225].

Это уголовное дело произвело огромное впечатление на писателя, под его знаком развивается роман Настасьи Филипповны и Рогожина, во время которого она все более четко предчувствует свою неминуемую гибель от его руки. Отдельные детали этих сцен, перенесенные Достоевским из газеты в роман, преобразуются в детали высокого художественного значения. Нож, купленный для домашнего употребления и ставший впоследствии орудием убийства; американская клеенка, которой накрыты жертвы; ждановская жидкость в сосудах; спрятанное тело жертвы, оставленное убийцей; 15 лет каторги, заменившие смертную казнь, — эти фрагменты уголовной хроники столь органично вошли в текст романа, что его герои постоянно чувствуют присутствие убийцы Мазурина, особенно в доме Рогожина.

Сославшись на статью В. С. Дороватовской-Любимовой, Г. М. Фридлендер упомянул о подробностях «московского» убийства, отраженного в тексте романа «Идиот», и подчеркнул, что образ Рогожина «возник в сознании писателя под влиянием судебного дела купца Мазурина, убившего ювелира Калмыкова» [Фридлендер: 223, 260]. Однако исследователь указал, что Достоевский, отталкиваясь от газетных фактов, переосмыслил их и создал в художественном тексте оригинальные социально-психологические образы: «Несмотря на совпадение отдельных штрихов биографии Мазурина и Рогожина, внешней картины совершенного ими преступления, назвать Мазурина прототипом Рогожина, хотя бы в самом ограниченном смысле слова, невозможно. Отправляясь от отдельных, ничтожных по своему значению штрихов и деталей, остановивших его внимание в деле Мазурина, Достоевский создал оригинальный, сложный и глубокий социально-психологический образ, по своей художественной силе принадлежащий к выдающимся созданиям писателя» [Фридлендер: 261]. Г. М. Фридлендер подчеркнул важную особенность поэтики Достоевского, описав творческий процесс исканий писателя, ведущих к углублению «в скрытый смысл фактов» [Фридлендер: 261].

Н. А. Тарасова поддержала утверждение В. С. Дороватовской-Любимовой, установившей, что «Мазурин является прототипом Рогожина, на создание образа которого повлияла газетная хроника — сообщения о судебном деле московского купца В. Ф. Мазурина, убившего ювелира И. И. Калмыкова» [Тарасова: 165]. Исследовательница привела пример ошибки составителей академического Полного собрания сочинений Достоевского, заменивших при публикации записной тетради с набросками к роману «Бесы» имя собственное «Мазуринъ» на нарицательное «Мазурик». Это привело к искажению контекста: «...запись, включающая фамилии Мазурина, Голубенко и Акимовой, находится среди заметок к "Бесам" и рядом с "литературными рассуждениями" Хроникера, одновременно будучи связана как с биографией самого Достоевского, так и с другими его литературными замыслами. Две из трех фамилий известны по роману "Идиот" и рассказу "Вечный муж"

и связаны с темой убийств, на что намекает и продолжение <...> записи "Яды, кинжалы, утопления"» [Тарасова: 165].

Б. Н. Тарасов упомянул дело купца Мазурина, описывая трагическую атмосферу романа «Идиот», в котором Благодать уступает место Закону: «Наступление низшего на высшее, золотого тельца на истинную любовь, когда христианский идеал отступает перед мамоной, а предметом купли-продажи становятся красота и человеческое достоинство, создает в романе "убийственную атмосферу". Его [Достоевского] персонажи часто обращаются к газетным известиям, к текущей уголовной хронике, например, к делу купца Мазурина, зарезавшего ювелира Калмыкова...» [Тарасов: 218].

Видный московский предприниматель и общественный деятель Н. А. Варенцов (1862–1947) оставил в воспоминаниях историю о клятвопреступлении купца А. А. Мазурина⁷. А. А. Мазурин, известный московский купец, дружил с богатым греком, занимавшимся скупкой сибирских мехов, которые продавал в Лондоне, а затем на вырученные деньги покупал в Индии драгоценные камни. Купцы, обменявшись крестами, стали названными братьями. Однажды, перед отъездом в дальние края, грек, повинувшись дурному предчувствию, попросил Мазурина принять на хранение ларец с драгоценностями, с тем чтобы тот мог отдать его жене, если с ним в дальних странах приключится беда. Мазурин охотно согласился, и грек передал ему ларец в присутствии его десятилетнего сына, приложив некую сумму денег для своей семьи на случай задержки. Успех сопровождал купца вплоть до обратного пути из Индии в Лондон, когда корабль попал в сильный шторм, и грек спасся чудом, уцепившись за обломок корабля. В бессознательном состоянии его доставили в Индию, откуда он с помощью французского консула вернулся в Россию по прошествии более трех лет с начала путешествия. Увидев в Успенском переулке, на Покровке, остатки своего сгоревшего дома, он отправился к псаломщику, который поведал, что его давно сочли умершим и церковь молится за упокой его души (в Синодиках часто встречается запрет молиться за упокой души пропавших без вести, этот мотив присутствует в романе «Братья Карамазовы» — пророчество старца Зосимы о возвращении к матери пропавшего Василия). Его жена и дети, израсходовав переданные им Мазуриным деньги, вынуждены были зарабатывать на пропитание тяжелым трудом в прачечной. Встретив жену, подтвердившую сказанное псаломщиком, возмущенный грек пришел к Мазурину, но тот, отрицая, что ему были переданы драгоценности, сорвал с себя крест и швырнул в грека со словами, что тот ему больше не брат. Судебный процесс грек проиграл, Мазурин привлек его к ответу за вымогательство,

⁷ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 848 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/2011_20220411 (05.07.2023). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Варенцов* и указанием страницы в круглых скобках.

и греческий купец попал в тюрьму. Там произошло очередное чудо — генерал-адъютант, проводивший ревизию в тюрьме, почувствовал симпатию к осужденному и передал его слова императору:

«Я знаю, что пересмотр моего дела вторично не может быть, но я бы был совершенно доволен, если Мазурина заставят принять клятву перед крестом и св. Евангелием, что он ларца с драгоценностями не брал; если он это исполнит, я готов остаться в тюрьме на всю жизнь» (*Варенцов: 60*).

Государь Николай I постановил освободить грека и привлечь Мазурина к принесению клятвы перед крестом и Евангелием в том, что он не присвоил драгоценности. В 1833 г. в одну из ночей множество людей собралось на Покровке. Н. А. Варенцов подробно живописует принесение ложной клятвы Мазуриным:

«Распоряжением московского начальства принесение клятвы было обставлено чрезвычайно торжественно. В двенадцать часов ночи Мазурин должен выйти из дома босым, одетым в саван, перепоясанный веревкой, со свечой из черного воска в руке. Перед ним шло духовенство в черных ризах, несли крест и св. Евангелие; это шествие по бокам сопровождал ряд монахов в мантиях, тоже со свечами в руках. <...>

Мазурин шел бледный, утомленный, с потупленными в землю глазами.

В соборе священник сказал слово, предупреждая Мазурина о страшном гневе Божьем на клятвopреступников, могущих ожидать кары Божьей не только в будущем мире, но она может последовать здесь, на земле. Просил приступить к клятве с полным сознанием святости совершаемого.

Мазурин поклялся, что ценностей не присваивал, и немедленно уехал в ожидавшей его карете» (*Варенцов: 61*).

Не выдержав подобной несправедливости, грек заболел и послал к Мазурину своего друга сообщить, что хочет примириться с ним перед смертью, как истинный христианин, но тот отказался приехать к умирающему. После смерти грека Мазурин по совету друзей поехал на отпевание:

«...при трогательном пении молитвословия, бьющем по нервам мотивом: "Зряще безгласна... и целуйте мя последним целованием...", Мазурин тоже подошел к гробу и нагнулся, чтобы поцеловать руку покойника. Случилось очень редкое явление: в трупе получился разрыв артерии, обыкновенно сопровождающийся сильным шумом, наподобие шума от разорвавшейся бутылки, наполненной жидкостью с газами. Мазурин как-то неестественно откачнулся, бледный, с блуждающими глазами выбежал из церкви. Домой вернулся уже сумасшедшим человеком, оставшимся до конца жизни таковым» (*Варенцов: 62*).

Смерть Мазурина, последовавшая вскоре, была подобна смерти грешника, описанной в синодиках:

«На похороны собралась масса народа, и невольно бросалось в глаза надетое покрывало с половины лица от носа покойника, чего обыкновенно не бывает. Оказалось, что пришлось это сделать по необходимости из-за выпадения языка наружу. Цвет его был темно-синий, размером громадный. Видевшие труп Мазурина без покрывала вспоминали об этом с трепетным ужасом. Народная молва приписывала тяжелую болезнь Мазурина и его ужасную смерть Божьему наказанию за его проступок и утверждала, что весь его род до седьмого колена понесет наказание» (*Варенцов*: 62).

Мне не удалось найти документальных свидетельств знакомства Достоевского с историей о клятвопреступлении А. А. Мазурина. Писатель мог знать предание о родовом проклятии чайного купца, так как сам был прихожанином храма Космы и Дамиана на Маросейке, а муж его тетки Александры Федоровны Куманиной, Александр Алексеевич, был там старостой.

Однако, даже если Достоевский не знал этого предания, не менее важно, что он заострил внимание на судебном деле Василия Федоровича Мазурина, интуитивно уловив его значение, выходящее за рамки уголовного дела. Так, в воспоминаниях Петра Ивановича Шукина, известного мецената, с 1878 г. ставшего совладельцем торгового дома «И. В. Шукин с сыновьями», о семье Мазуриных говорится в связи с братом Василия Федоровича — библиофилом Федором Федоровичем Мазуриным, имевшим страсть к собиранию рукописей. Однако ни об убийстве, ни о родовом проклятии Петр Иванович не упоминает, он пишет лишь о материальной неустроенности Ф. Ф. Мазурина, который, «видя расточительность своей матери на украшения церквей и не будучи в состоянии сделать ей замечания по мягкости своего характера, — сам наложил на себя опеку»⁸.

Не упоминается история о проклятии и в письме митрополита Филарета (Дроздова) Анне Федоровне, вдове почетного гражданина Москвы А. А. Мазурина. Митрополит Филарет призывает Бога благословить намерение вдовы устроить богадельню при Воскресенской церкви на Ваганьковском кладбище. Говоря о «навсегда надежном утешении» в результате подобного доброго дела, Владыка не связывает его с конкретной необходимостью замаливать грех ее супруга, к тому времени уже скончавшегося (А. А. Мазурин умер в 1834 г., а письмо написано в 1838 г.)⁹.

В письмах храмоздательницы Ивановского монастыря М. А. Мазуриной († 21 октября 1878 г.) к старцу Оптиной пустыни Антонию (Путилову) и комментариях к ним также не сказано о трагической участи семьи Мазуриных. М. А. Мазурина была исполнительницей воли Е. А. Макаровой-Зубачевой и женой ее покойного брата Николая Алексеевича Мазурина (1798–1835)¹⁰.

⁸ Шукин П. И. Воспоминания П. И. Шукина. М.: Синодальная Типография, 1912. Вып. 10. Ч. 3. С. 10.

⁹ Святитель Филарет (Дроздов), Митрополит Московский. Переписка с современниками. Сергиев Посад: Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. С. 468–469.

¹⁰ Духанова С. В. Письма храмоздательницы Ивановского монастыря М. А. Мазуриной к старцу Оптиной пустыни Антонию (Путилову) // Старица Московского Ивановского

Клятвопреступление купца Мазурина, напоминающее синодичный телеологический сюжет о нераскаившемся грешнике, обреченном на вечные муки, вырастает до масштабов родового проклятия, на которое осуждены его потомки. Подобно тому, как телеологический сюжет усложняется до размеров родового проклятия в повести Гоголя «Страшная месть» о непрощаемом грехе отца Екатерины, продавшего душу в турецкой стороне, непрощаемый грех нераскаившегося клятвопреступника Мазурина всей тяжестью ложится на плечи его потомков. В воспоминаниях Н. А. Варенцова подробно описаны несчастья, случившиеся со многими родственниками Мазурина.

В 1865 г. внук А. А. Мазурина Василий Федорович Мазурин (1830–1875) в тот вечер, когда его сестра сочеталась браком с купцом М. А. Чернышевым, убил в своем доме в Златоустинском переулке ювелира Калмыкова. В ноябре 1867 г. состоялся суд, и Мазурин был приговорен к 15 годам каторги. Материалы суда подробно освещались в прессе. В № 259 газеты «Московские Ведомости» от 26 ноября 1867 г. были подведены итоги судебных заседаний и оглашены результаты расследования:

«Сегодня, въ 10 съ половиною часовъ вечера, окончилось судебное засѣданіе Московскаго окружнаго суда по извѣстному надѣлавшему столько шуму дѣлу объ убійствѣ свободаго художника Калмыкова почетнымъ гражданиномъ Мазуринымъ. Подсудимый, признанный присяжными виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа (и незаслуживающимъ снисхожденія), приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ. Многочисленная публика тѣснилась въ залѣ суда до самаго закрытія засѣданія»¹¹.

Подробности уголовного дела освещены в следующем, 260-м, номере «Московских Ведомостей» от 28 ноября 1867 г. в разделе «Судебная хроника». Подсудимый дал показания о том, что, пригласив ювелира в свой дом, «подалъ Калмыкову записку; тотъ сѣлъ къ столу и сталъ считать, куря при этомъ папирску и разговаривая съ нимъ о разныхъ предметахъ. Потомъ онъ подошелъ къ конторкѣ, взялъ бритву и ударилъ сзади Калмыкова. Между первымъ моментомъ, когда онъ увидѣлъ бритву и убійствомъ прошло менѣе четверти часа. Нанесъ ли онъ Калмыкову одну только рану, или болѣе, онъ не помнитъ. <...> Ему кажется, что онъ уходя затворилъ ставни окна, около котораго упалъ убитый, а можетъ быть онъ это сдѣлалъ уже вечеромъ. Возшедше наверхъ, онъ снялъ съ себя окровавленное платье

монастыря монахиня Досифея: к 210-летию со дня преставления: мат-лы научн.-практ. конф. (4 февраля 2020 г.) / отв. ред. В. В. Каширина; науч. ред. Д. Г. Давиденко. М.: Иоанно-Предтеченский ставропигиальный женский монастырь, 2020. С. 166.

¹¹ Московские Ведомости. 1867. № 259. 26 ноября. С. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/68283-locale-nil-259-26-noya#mode/inspect/page/3/zoom/9> (05.07.2023).

и спряталъ его въ шифоньерку. Затѣмъ онъ ходилъ въ сиротскій судъ. У убитаго онъ вынулъ изъ кармана деньги, не считая ихъ, сорвалъ съ него часы, цѣпочку и кольцо. Обѣдалъ онъ въ тотъ день дома, былъ у вечерни, а потомъ купилъ клеенку и ждановской жидкости, съ которыми вернулся въ магазинъ, покрылъ трупъ и полилъ кругомъ его жидкостью»¹².

Московское общество было потрясено обстоятельствами преступления: Мазурин, до убийства человек честный и тихий, происходивший из состоятельной и известной в Москве купеческой семьи, оказался богаче своей жертвы. Молва связала убийство с родовым проклятием его деда.

Почему же дело купца Мазурина оказало столь сильное впечатление на писателя? Можно предположить, что оно привлекло Достоевского сюжетом, берущим начало в Синодике Иосифа Волоцкого: *Грех — Страшные муки* (важная часть — *Раскаяние* и *Молитва* — в сюжете отсутствует). В контексте рецепции уголовной хроники московским обществом телеологический сюжет о грешном купце гиперболизируется в мотив родового проклятия заключительной части триады и наказание настигает не только грешника, но и его потомков.

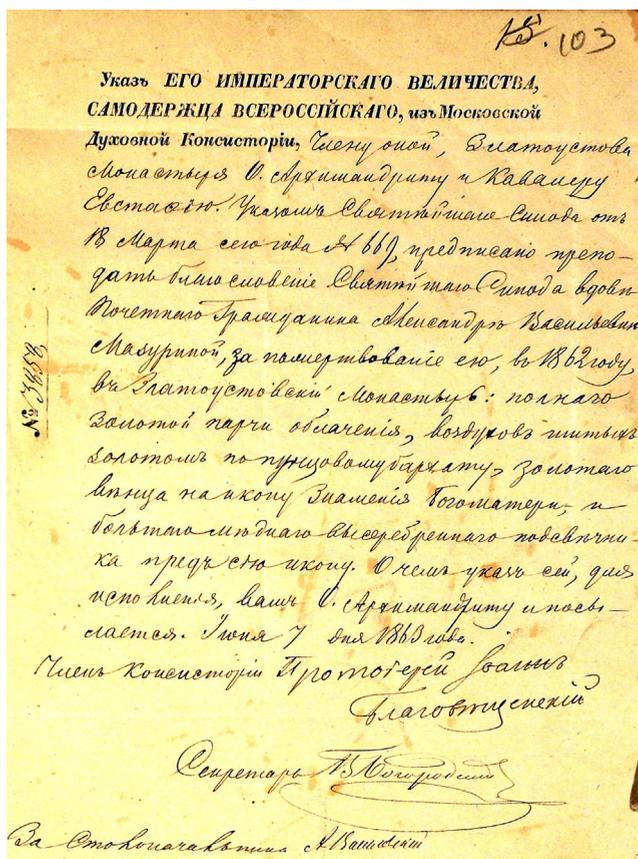
Особое горе выпало на долю несчастной невестки купца, Александры Васильевны Мазуриной (в девичестве Перловой, 1815–1885). Казнь ее сына, Василия Федоровича Мазурина, которую впоследствии заменили на 15 лет каторги, должна была происходить на Калужской площади.

«Лица, ходившие смотреть на ожидаемую казнь, видели мать убийцы, сопровождавшую всю дорогу своего сына, сидящего на телеге спиной к лошадям, с прикрепленным на груди плакатом с указанием его проступка. Мать шла с потупленными в землю глазами. С этого дня она никогда и никому не смотрела в глаза, вплоть до своей смерти» (*Варенцов*: 63).

Александра Васильевна Мазурина была женщиной набожной, прихожанкой Златоустинского монастыря и удостоилась благословения Святейшего Синода (18 марта 1863 г. См.: *Илл. 1*) за пожертвование в 1862 г. «в Златоустовский монастырь: полного золотой парчи облачения, воздухов, шитых золотом по пунцовому бархату, золотого венца на икону Знамения Богоматери и большого медного высеребрянного подсвечника пред сию икону. В другое время пожертвованы ею две серебропозолоченные лампадки в соборной церкви, одна пред иконою Знамения, другая пред животворящим крестом Господним (каждая в 3 фун. 15 зол.)»¹³.

¹² Московские Ведомости. 1867. № 260. 28 ноября. С. 4 [Электронный ресурс]. URL: elib.shpl.ru/ru/nodes/68284-locale-nil-260-28-noya#mode/inspect/page/4/zoom/9 (05.07.2023).

¹³ Историческое описание Московского Златоустовского монастыря / сост. А. Григорий. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1914. 144 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Voinov/istoricheskoe-opisanie-moskovskogo-zlatoustovskogo-monastyrja/ (15.06.2023).

Илл. 1. Указ о благословении Святейшим Синодом А. В. Мазуриной
(ЦГА г. Москвы. Ф. 230. № 3858)

Fig. 1. Decree on the blessing by the Holy Synod of A. V. Mazurina
(Central State Archive of Moscow. Fund 230. No. 3858)

Московское общество связывало следовавшие в жизни Александры Васильевны Мазуриной несчастья с чудесным явлением святого Сергия, их предзнаменовавшим. Н. А. Варенцов поведал о рассказе их семейного врача, Юлия Петровича Гудвилевича, знавшего убийцу в детстве, о том, как в младенчестве тот захворал и находился при смерти, а его мать, понимавшая, что вскоре может лишиться сына, бросилась молиться коленопреклоненно перед иконой о спасении ребенка:

«В экстазе она видит — как бы во сне: святой, изображенный на иконе, вышел и говорит: "Не проси Господа о сохранении ему жизни, много он принесет горя тебе и другим!" Она с сильным порывом чувств прокричала: "Я готова на мою голову принять все страдания, но умоляю Бога оставить ему жизнь!" Был ответ: "Будь по-твоему!"» (Варенцов: 63).

Когда в ближайшее время сыну стало лучше, мать сообщила всем присутствующим о своем видении. С тех пор Гудвиллович, поляк-католик, стал ежегодно посещать Троице-Сергиеву лавру, где совершал молебен и ставил свечу перед мощами прп. Сергия. Исходя из этого Варенцов заключил, что матери Мазурина в видении явился св. Сергей Радонежский, покровитель семьи Мазуриных. В воспоминаниях Варенцов подробно описал трагическую участь потомков купца Мазурина, заключив свое повествование цитатой из Библии: «Недаром говорится в священной книге "Премудрости Соломона" (гл. 3, 19): "ужасен конец неправедного рода"» (*Варенцов*: 66).

В романе «Идиот», несмотря на трагический финал, в словах князя, обращенных к Рогожину, громко звучит тема милосердия Божия, дающая надежду на спасение всего человечества:

«...такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда он с неба заводит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится". Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть всё понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя, — главная мысль Христова!» (*Д30*; т. 8: 184).

Умиление, звучащее в словах князя Мышкина, является неотъемлемой категорией поэтики Достоевского, «обретение умиления было желанной целью православного богослужения, молитвенного общения человека с Богом» [Захаров: 179]. Достоевский считал народ хранителем христианской мудрости и приписывал ему глубокое знание христианских источников:

«Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его. <...> Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. <...> Зато выйдет поп и прочтет: "Господи, Владыко живота моего" — а в этой молитве вся *суть христианства*, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть. Знает тоже он наизусть многие из житий святых, пересказывает и слушает их с умилением» (*Д30*; т. 26: 150–151).

Знал древнерусские источники и сам Достоевский: синодичная история о нераскаявшемся грешнике вошла в текст романа «Идиот», органично слившись с материалами современной писателю уголовной хроники.

Список литературы

1. Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. 404 с. (Сер.: Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты; вып. VI.)
2. Дороватовская-Любимова В. С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени [1928] / публ. подгот. М. Райциной // Нева. 2011. № 11. С. 209–226.
3. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.
4. Тарасов Б. Н. Метафизика денег в творчестве Бальзака и Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 198–233 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449821477.pdf (05.07.2023). DOI 10.15393/j9.art.2015.3121
5. Тарасова Н. А. Текстологический анализ и новые факты истории текста (на материале рукописей Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2 (10). С. 153–169 [Электронный ресурс]. URL: <https://dostmirkult.ru/ru/arkhiv/72-2-2020/642-tekstologicheskij-analiz-i-novye-fakty-istorii-teksta-na-materiale-rukopisej-f-m-dostoevskogo> (05.07.2023). DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169
6. Фридлендер Г. М. Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.

References

1. Dergacheva I. V. *Drevnerusskiy Sinodik: issledovaniya i teksty* [Ancient Russian Synodic: Studies and Texts]. Moscow, Krug Publ., 2011. 404 p. (Ser.: Monuments of Ancient Russian Thought: Research and Texts; Issue 6.) (In Russ.)
2. Dorovatovskaya-Lyubimova V. S. “The Idiot” of Dostoevsky and Criminal Chronicle of His Time (1928). In: *Neva*, 2011, no. 11, pp. 209–226. (In Russ.)
3. Zakharov V. N. *Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskie aspekty* [Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 264 p.
4. Tarasov B. N. Metaphysics of Money in the Works of Honoré de Balzac and Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 198–233. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449821477.pdf (accessed on July 5, 2023). DOI 10.15393/j9.art.2015.3121 (In Russ.)
5. Tarasova N. A. Textual Analysis and New Facts of a History of the Text (on the Material of F. M. Dostoevsky Manuscripts). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2020, no. 2 (10), pp. 153–169. Available at: <https://dostmirkult.ru/ru/arkhiv/72-2-2020/642-tekstologicheskij-analiz-i-novye-fakty-istorii-teksta-na-materiale-rukopisej-f-m-dostoevskogo> (accessed on July 5, 2023). DOI: 10.22455/2619-0311-2020-2-153-169 (In Russ.)
6. Fridlender G. M. *Realizm Dostoevskogo* [Realism of Dostoevsky]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 404 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский государственный психолого-педагогический университет (Шелепихинская наб., 2а, г. Москва, Российская Федерация, 123290); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>; e-mail: dergachevaiv@mgppu.ru.

Irina V. Dergacheva, PhD (Philology), Professor of the Department of Lingodidactics and Intercultural Communication, the Moscow State Psychological and Pedagogical University (Shelepikhinskaya nab. 2a, Moscow, 123290, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-2027>; e-mail: dergachevaiv@mgppu.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.07.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.09.2023

Принята к публикации / Accepted 11.09.2023

Дата публикации / Date of publication 12.10.2023